

Гальперин С. Модерн и встраивание процессов экономического роста в национальные системы. DOI 10.17506/26867206_2022_22_3_96 // Антиномии. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 96–118.

УДК 321.01:330

DOI 10.17506/26867206_2022_22_3_96

Модерн и встраивание процессов экономического роста в национальные системы¹

Сандра Гальперин

Роял Холлоуэй (Лондонский университет),

г. Лондон, Великобритания

E-mail: sandra.halperin@rhul.ac.uk

Поступила в редакцию 27.06.2022

Национальная экономика, которая имеет относительно широкую основу, характерная для индустриально развитых стран, обычно рассматривается как воплощение экономики Нового времени. Экономике этих стран в значительной степени являются внутренне ориентированными и зиждутся на производстве и услугах, направленных на удовлетворение местных и национальных потребностей. Принято считать, что такие экономики возникли в результате процессов, стартовавших в XVI в. и ускорившихся в XIX в. с расширением промышленного производства и ростом мировой торговли. Однако в данной статье эта точка зрения ставится под сомнение. В статье утверждается, что современная экономика представляет собой вовсе не кульминацию долгосрочных процессов развития, а повторяющееся явление, присущее капитализму. В истории капитализма наблюдались периоды, на протяжении которых капитал или был встроен в национальные экономики, или являлся частью свободного глобального рынка, то есть имели место периоды, когда капиталистические отношения были в большей или меньшей степени свободны от регулирования со стороны национального государства. Национальные экономики сегодня представляют собой не новую институцию на однолинейной траектории развития, но возврат к тем чертам моральной экономики, что были свойственны европейским и неевропейским обществам до XIX в.

Ключевые слова: капитализм, компромисс между классами, «встроенная» экономика, неолиберализм, шоковая терапия

¹ Оригинальную версию статьи см.: Halperin S. Modernity and the embedding of economic expansion // European Journal of Social Theory. 2016. Vol. 19, № 2. P. 172-190. Перевод публикуется с любезного разрешения автора.

© Гальперин С., 2022

Modernity and the embedding of economic expansion

Sandra Halperin

Royal Holloway (University of London),

London, U.K.

E-mail: sandra.halperin@rhul.ac.uk

Received 27.06.2022

Abstract. The nationally embedded and relatively broad-based economies characteristic of developed industrial countries are usually seen as the incarnation of a modern economy. These economies are largely internally oriented and are based, to a relatively great extent, on production and services based on local and national needs. Their provenance is generally assumed to have been processes of development that began in the sixteenth century and that, in the nineteenth century, accelerated with the expansion of industrial production and the growth of global trade. This article challenges that assumption. It argues that today's modern economies represent, not the culmination of long-term processes, but a recurring phenomenon within capitalism. It argues that, in the history of capitalism, there have been phases of nationally embedded and global free market capitalism – periods when capital is relatively more, and relatively less, free from the regulation of nation state. Today's nationally embedded economies represent, not a further point along a unilinear developmental trajectory, but a return to features of the moral economies that characterized both European and non-European societies before the nineteenth century.

Keywords: capitalism; class compromise; embedded economies; neo-liberalism; shock therapy

For citation: Halperin S. Modernity and the embedding of economic expansion, *Antinomies*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 96-118. (in Russ.). DOI 10.17506/26867206_2022_22_3_96.

Национальная экономика, имеющая относительно широкую основу, которая характерна для индустриально развитых стран, обычно рассматривается как воплощение экономики Нового времени. Экономики этих стран в значительной степени являются внутренне ориентированными и зиждутся на производстве и услугах, сконцентрированных на удовлетворении местных и национальных потребностей. Принято считать, что такие экономики возникли в результате процессов, стартовавших в XVI в. и ускорившихся в XIX в. с расширением промышленного производства и ростом мировой торговли. Однако в данной статье эта точка зрения ставится под сомнение. В статье утверждается, что современная экономика представляет собой не кульминацию долгосрочных процессов развития, а повторяющееся явление, присущее капитализму. В истории капитализма наблюдались периоды, на протяжении которых капитал или был встроен в национальные экономики, или являлся частью свободного глобального рынка, то есть имели место периоды, когда капитал был в большей или меньшей степени свободен от национального государственного регулирования. Национальные экономики сегодня представляют собой не новую институцию на однолинейной траектории развития, но возврат к тем чертам

моральной экономики, что были свойственны европейским и неевропейским обществам до XIX в.

В статье рассматриваются различные фазы национального и глобального свободного рыночного капитализма. Среди них «освобождение» (англ. *dis-embedding*) рынков от государственного контроля, ускорившее процесс капиталистической глобализации с конца XVIII в., «повторное встраивание» (англ. *re-embedding*) капитала в национальные системы в ходе мировых войн в начале XX в. и, наконец, действия, направленные на то, чтобы вновь «освободить» (англ. *dis-embed*) процессы экономического роста от государственного контроля в индустриально развитых странах в наши дни.

В конце XVIII в. в Европе началась кампания по освобождению капитала от ограничений, налагаемых на него местными сообществами. Она была нацелена на переустройство структуры политической власти посредством широкомасштабного и всеохватывающего идеологического подрыва так называемого старого порядка. На протяжении XIX в. европейские экономики росли за счет расширения и интеграции внешних рынков, в то время как внутренние рынки оставались недостаточно развитыми. Этот дуализм был очевиден повсюду в Европе¹. Даже в протекционистских и интервенционистских государствах вместо внутренних развивались рынки внешние. Капитал в основном вкладывался либо за границу, либо во внутреннее производство, однако продукты данного производства предназначались главным образом на экспорт. Крах системы XIX в. и заключение компромисса между капиталом и трудом привели к повторному встраиванию европейских экономик в национальные системы после 1945 г.² Реформы социального обеспечения частично детоваризировали труд, а посредством рыночного и отраслевого регулирования инвестиции и производство были направлены на расширение и интеграцию национальных рынков. Однако теперь кампания по содействию рассредоточению капиталовложений и производства за границей – то есть нынешняя кампания глобализации – направлена на то, чтобы отыграть ситуацию назад и отменить тот компромисс, что был достигнут после Второй мировой войны, и снова «освободить» рынки от государственного контроля³.

«Освобождение» капитализма в XIX веке

Возможно, наиболее важной главой для понимания ускоряющейся глобализации капитала в Новое время является демонтаж европейских систем национального благосостояния и регулируемых рынков в конце XVIII в., а также возникшие в результате этого социальные конфликты. Контекстом, в котором разворачивались эти события, была атака на правила «абсолютистского» (другими словами, интервенционистского) государства.

---

¹ См. об этом в разделе «Освобождение» капитализма в XIX веке».

² См. об этом в разделе «Повторное встраивание экономик в национальные системы в Европе».

³ Этому посвящен раздел «Послевоенные события».

Противники обвиняли «интервенционизм» за стремление к чрезмерному регулированию. Однако одной из главных целей этого регулирования было обеспечить местное сообщество всем необходимым, гарантировать «честную практику» (англ. fair practice), защитить население от монополий и спекуляций, а также избежать дефицита и высоких цен.

В Англии законы не позволяли торговцам-посредникам действовать в обход рынка или «загонять его в угол», гарантировали контроль качества, справедливую цену и достаточный запас товаров на внутреннем рынке; торговые суды обеспечивали соблюдение этих законов (см.: Lie 1993: 282). Тот, кто требовал свободы торговли в XVIII в., на самом деле требовал освободить его от необходимости торговать на открытых рынках через заключение открытых сделок и в соответствии с правилами и положениями, которые обеспечивали «честную практику» и приемлемые цены (см.: Lie 1993: 283).

В XVIII в. правительства европейских стран регулировали местные рынки, видя одну из своих задач в поддержании благополучия местного сообщества и населения в целом. Французские власти требовали, чтобы зерно и другие продукты первой необходимости, прежде чем они пойдут на экспорт, были выставлены для продажи французским беднякам. В Великобритании законодательство о маркетинге, лицензировании и препятствовании поставкам товаров с целью повышения цен само устанавливало максимальные цены на основные продукты питания, такие как мясо и зерно. Магистратам (с помощью местных судей) было поручено обследовать запасы кукурузы в амбарах и зернохранилищах, заказывать необходимое количество зерна для отправки на рынок и контролировать рынок, чтобы обеспечить бедняков кукурузой по выгодной цене. Правительство также контролировало занятость народа и его расселение.

В странах Европы правительства принимали активное участие в обеспечении благосостояния населения. Традиционно бедным помогали монастыри, богадельни, братства, им оказывали поддержку из городских «запасов» и церковных сборов. Но начиная с XVI в. по всей Западной Европе государства все чаще координировали свои действия в помощи бедным или оказывали её в недостаточном объеме. В Англии в XVI в. началась кампания по искоренению бедности. Идя в ногу с общеевропейским движением, английские власти настаивали на принятии закона о создании новых учреждений для помощи бедным и организовали целую систему больниц для оказания им медицинской помощи. Как и в других городах Европы, в Лондоне в 1540–1550-х гг. была создана система больниц. Законодательство 1572, 1597 и 1601 гг. требовало от церковных старост и надзирателей за бедняками по всей Англии повышать церковные ставки и пособия, а также местные налоги и выплаты нетрудоспособным; трудоспособных же заставлять работать; учить детей бедняков (см.: Slack 1990). В конце XVII в. право помощи беднякам в случае крайней необходимости («нищеты») стало законным правом. К 1700 г. в Англии уже существовала система национального благосостояния (см.: Slack 1990: 22). Франция также установила общенациональную систему социального обеспечения в XVIII в. (см.: Lis, Soly, 1979: 200–209). К 1770 г. в Пруссии были приняты меры по созданию системы

социального обеспечения «от колыбели до могилы», которая гарантировала каждому прусскому подданному достаточное питание, санитарную профилактику и защиту полиции (см.: Dorwart 1971).

В XVIII в. народным массам часто удавалось использовать экономическую власть как потребителей. В Англии доходы капиталистов зависели от продажи круп и мяса миллионам людей. Экономика Европы в то время все еще основывалась на местных рынках и непосредственных отношениях между продавцом и покупателем. В Англии существовало «высококочувствительное потребительское сознание трудящихся» (Thompson 1991: 189) и традиция массовых выступлений за установление справедливых цен. Рабочие старались добиться справедливой заработной платы и регулировать продолжительность своего рабочего дня. В XVIII в. предприниматели стремились избежать государственного регулирования, торгуя с дальним зарубежьем и расширяя производство на экспорт. В этот период усилилась конкуренция за рабочую силу и вместе с ней выросла заработная плата, рабочие смогли «меньше работать и позволять себе более продолжительный отдых, не ставя под угрозу их традиционный уровень жизни» (Gillis 1983: 41; см. также: Eversley 1967: 220).

Таким образом, накануне промышленной революции правительства европейских стран осуществляли регулирование рынка от имени местного населения. Они контролировали цены и заработную плату, учредили защиту труда и в некоторых местах ввели в действие системы национального благосостояния. Народные массы, будучи рабочими и потребителями товаров, могли оказывать влияние на власть, чтобы получать в результате справедливую заработную плату и приемлемые цены. На протяжении большей части XVIII в. как цены, так и население были относительно стабильными, а уровень жизни только рос. Однако во второй половине века местные группы влияния, стремясь увеличить прибыль за счет расширения производства на экспорт, все больше настаивали на реорганизации экономических отношений и выводе свободного рынка из-под контроля со стороны национального государства¹. Правительства в конце концов уступили их давлению и, уже ранее допустив изменения в институтах собственности, производственных отношениях, огораживании земли, концентрации капитала и землевладения, отменили ограничения на эксплуатацию ради личной выгоды, пренебрегли защитой труда, включая труд подмастерьев и регулирование заработной платы, а также социальное обеспечение. Европа встала на путь индустриализации, не неся никаких обязательств перед обществом по обеспечению справедливости.

Ключевым аспектом перехода от экономики, встроенной в национальные общественные системы, к относительно «освобожденной» экономике была полувековая война, включавшая в себя революционное брожение, а также две мировые войны (Семилетнюю войну 1756–1763 гг., развернув-

---

¹ Производители текстиля были против правил, регламентирующих их деятельность, налогов и системы социального обеспечения; коммерческие банки хотели положить конец ограничениям на свободное движение капитала.

шуюся одновременно на территории Северной Америки, Европы, Индии и стран Карибского бассейна, Наполеоновские войны) и ряд революций, в том числе Французскую революцию и индустриальную революцию¹. Великая война и революционные течения, высвобожденные ею, обозначили опасности, что таят в себе обученные военному делу массовые армии: проводилось множество аналогий между массовой армией солдат, созданной в великой войне, и массовой армией рабочих, необходимой для промышленного капиталистического производства. Именно в таком контексте элиты всего мира взялись за мобилизацию рабочей силы для промышленного производства.

Держать рабочий класс в подчинении всегда важнейшая проблема для элит, о чем на протяжении всей истории свидетельствует их большой страх перед восстаниями рабов или крестьянскими бунтами. Но искушение реорганизовать производство по образцу промышленного капитализма поставило перед элитами проблему несколько иного рода: как мобилизовать, и подготовить рабочую силу для промышленного производства, сохраняя при этом ее подчиненное положение по отношению к капиталу. Местные элиты обычно предпочитали очень медленно и выборочно внедрять механизацию, а также использовать те методы производства, которые снижали квалификацию рабочих, сохраняя их труд низкооплачиваемым и фрагментированным. Однако, сдерживая быстрый подъем новых могущественных классов, эти действия породили еще одну проблему: если уровень потребления народонаселения остается прежним или сокращается, то где найти потребителей продуктов дополнительного производства? Таким образом, сложившаяся модель экономического развития представляла собой экспансию, основанную на производстве товаров, главным образом предназначенных для иностранных потребителей или для отправки в районы своих новых поселений за границей², а не на росте и интеграции местных рынков. Это создало дуалистическую экономическую экспансию, ставшую характерной чертой промышленного капитализма. Экспансию, базирующуюся на развитии массовой покупательной способности не внутри страны, а за счет иностранных покупателей и органов власти, с помощью кредитов и инвестиций в инфраструктуру, железные дороги и вооружение. Сформировалась система производства и обмена сырьем и промышленными товарами, в которую были интегрированы элиты разных стран с помощью британских и других европейских фирм. Вследствие этого как для расширения промышленного производства, так и для подчинения труда капиталу требовалось развитие покупательной способности и рынков за пределами

---

¹ Эта революция была не столько промышленной, сколько реорганизовала производственные отношения, в силу чего стало происходить резкое ускорение глобализации капитала.

² В период с 1830 и 1914 г. около 50 млн европейцев, 30% населения Европы в 1830 г., эмигрировали в Америку. Северная и Южная Америка стали для европейских товаров зарубежными рынками, что позволило европейцам расширить производство, не влияя сколько-нибудь опасным образом на общественные отношения внутри своих стран.

национального государства. Такое дуалистическое развитие стало моделью промышленной экспансии во всем мире.

Начиная с XVIII в. товары и услуги производились главным образом для ширящейся сети элит, по заказу правящих групп и правительств других стран. Великобритания увеличила строительство судов, производство котлов, оружия и боеприпасов, а также построила за рубежом железные дороги, каналы, банки, телеграфы и другие общественные здания и сооружения, где размещались правительственные и принадлежащие правительствам службы. Экспорт британского капитала обеспечивал покупательную способность иностранных правительств и элит, а также позволял финансировать развитие производства продуктов питания и сырья и их транспортировку в Европу. Тем самым стимулировалась дополнительная покупательная способность иностранцев, их спрос на британские товары. В центре этой деловой цепи находился Лондон, который не интегрировал различные отрасли экономики своей страны, а, подобно передовому сектору зависимой экономики какой-нибудь страны третьего мира, работал над созданием прочных связей между собственной экспортной промышленностью и зарубежной экономикой.

Создание и объединение экспортных секторов в Европе и других регионах способствовали глобальному экономическому росту, который обогащал элиты во всем мире, оставляя практически неизменными традиционные социальные структуры. Во всем мире благодаря такой системе производства и обмена создавались железные дороги, судоходные компании, порты, электроэнергетические компании, трамваи, телеграфы и городские водопроводные компании. Эта деятельность как в Европе, так и в других регионах привела к появлению новых отраслей, которые, принося иногда до половины доходов местной экономики, вовлекали лишь незначительную часть коренного населения.

Повсюду господствовали группы, которые стремились увеличить прибыль за счет расширения производства. Перед ними стояла проблема, как реализовать растущий объем товаров без соответствующей демократизации потребления «у себя дома». Способы решения этой проблемы в разных обществах варьировались в зависимости от типа производившихся на продажу товаров, относительной власти капитала и власти труда. Однако взаимодействие капитала с рабочей силой, как правило, определялось схожими возможностями, а также общим системным контекстом. Обычно элиты были заинтересованы в использовании самых современных методов приумножения своих доходов, богатства и власти. Ожидалось, что успех британской элиты в этом отношении вдохновит элиты других стран на подражание британским экономическим, социальным, административным и интеллектуальным тенденциям. Элиты (будь то элиты в колониях, бывших колониях или государствах, которые никогда не были колониями) расширяли, укрепляли и сохраняли свою власть, богатея за счет импорта капитала и товаров, развития шахт и экспорта сырья, строительства железных дорог и портов. В целом они были сплоченными и могли получить многое, они контролировали огромные ресурсы и могли свободно использовать их для достижения своих целей.

Повторное встраивание экономик в национальные системы в Европе

В Европе, как и везде, дуалистическая экономическая экспансия позволила элитам нарастить производство и увеличить прибыль, не прибегая к экстенсивному перераспределению и реформам. Однако по мере роста числа стран, которые начали проводить экспансию, ориентированную во вне, возможности для расширения торговли за границей быстро сокращались, и экспансионистские цели европейских держав стали все больше сосредотачиваться на самой Европе. Европейский баланс сил рухнул, многосторонняя империалистическая война в Европе вынудила правительства и правящие элиты совершить именно то, чего им удалось не допустить за сто лет империалистической экспансии за границу, – мобилизовать массы.

В XVIII в. правительства полагались на социальные элиты в вопросах платы наемным войскам и предоставления военачальников для профессионального ведения войн. Воздействие этих войн на общественный порядок было относительно ограниченным. Однако участие низших классов в массовых военных кампаниях (речь идет о «гражданской» армии Наполеона и массовых армиях, мобилизованных для борьбы с ним) и вовлечение этих классов в те области общественной жизни, что раньше были для них закрыты, привели к усилению могущества рабочей силы и укреплению ее позиций на рынке (см.: Marwick 1980: ch. 11; Andreski 1968: 33–38). Это вынуждало правительства добиваться лояльности рабочих, предоставляя им различные права. Поэтому после Наполеоновских войн, несмотря на трудности, связанные с вербовкой и содержанием большого числа наемников, произошел возврат к армиям старого образца, состоящим из оплачиваемых профессионалов, наемников и «джентльменов» (см.: Silver, Slater 1999: 190). Армии нового типа, которые начал использовать Наполеон, применялись обеими сторонами во время Франко-прусской войны 1870–1871 гг. (что привело к страшным последствиям, в том числе к возникновению и разгрому Парижской коммуны), а затем вновь лишь в 1914 г.¹

Ряд исследователей полагают, что участие рабочего класса в военных действиях служило доказательством победы национализма над социалистической солидарностью². Но это было решительно не так. На протяжении Первой мировой войны борьба рабочих не ослабевала, более того, во

---

¹ Обзор этого вопроса см.: (Howard 1961: 8–39). Россия призвала большое количество мужчин в свои войска во время Крымской войны; о силах армии союзников, собранных для этой войны, см.: (Royle 1999: 91–92); отчет о французской мобилизации 1870–1871 гг. см.: (Taithe 2001: 6–13, 22–28, 38–47).

² Такого мнения придерживаются многие историки и социологи. Например, Юлиус Браунталь утверждает, что «дух международной солидарности [был] заменен духом национальной солидарности пролетариата с господствующими классами» (Braunthal 1967: 355). Йозеф Шумпетер рассматривает 1914 г. как «социализм на перепутье», «не выдержавший испытания» (Schumpeter 1951: 353). См. также: (Carr 1945: 20–21). О других работах, авторы которых солидаризируются с данной точкой зрения, см.: (Doyle 1997: 317–319); в указанном издании в этом отношении наиболее показательна сноска 9 на с. 318.

многих местах она ширилась и накалялась. В 1917 г. миллионы рабочих по всей Европе участвовали в массовых забастовках и демонстрировали солидарность с русской революцией. Фактически война стала поворотным моментом в развитии социализма и организованного труда как новой силы в Европе. В конце войны по всей Европе возникли левые партии и движения¹, членство в профсоюзах резко возросло, поскольку неквалифицированная рабочая сила, сельскохозяйственные работники и женщины впервые присоединились к рядам организованных рабочих².

К концу Первой мировой войны мобилизация и участие рабочих в военных действиях увеличили относительную силу труда в европейских обществах. По всей Европе мобилизация городского рабочего класса и крестьянских масс на войну привела к созданию более сильных, крупных, сплоченных и лучше организованных городских и сельских рабочих движений. К 1920 г. в Европе насчитывалось 34 млн профсоюзных активистов (см.: Ogg 1930: 759). Сомкнули ряды квалифицированные и неквалифицированные рабочие, представители разных профессий, а также анархисты, социал-демократы, коммунисты, социалисты, революционеры и реформисты (см.: Cronin 1982: 121, 139). Политика, которая имела целью остановить нарастающую «красную волну», превратив Германию в оплот против большевизма, среди прочего способствовавшая перевооружению и территориальной экспансии Германии (см.: Halperin 2004: ch. 7), напрямую привела ко Второй мировой войне. Именно потребность в рабочей силе, в сотрудничестве с ней во время Второй мировой войны вынудила элиты идти на политические компромиссы с рабочим движением.

Послевоенные события

В 1914 г. угроза большой империалистической войны вновь вынудила европейские государства прибегнуть к тому, что в те времена было самым мощным средством массового уничтожения, – к массовой мобилизации (*фр.* *levée en masse*). Массовые мобилизации во время Первой мировой войны дали толчок революционному социальному движению, которое в 1917–1939 гг. прокатилось по Европе. Попытки предотвратить его дальнейшее распространение и эскалацию привели непосредственно ко Второй мировой войне. В итоге Европа была полностью преобразована. За революционными пожарами и войнами прошлого следовали периоды восстановления (например, после Наполеоновских войн, революций 1830 и 1848 гг. и Первой мировой войны), однако Вторая мировая война, изменив баланс классовых сил по всей Европе, сделала невозможным очередной возврат к старому по-

---

¹ Социалистические партии пришли к власти в Швеции (1920), Дании (1924) и Норвегии (1927); первое лейбористское правительство пришло к власти в Великобритании в конце 1923 г.; левые победили во Франции в 1924 г.; в Бельгии и Голландии социалисты впервые вошли в кабинет министров в 1939 г.

² Членство в профсоюзах Великобритании удвоилось с 4 до 8 млн человек (см.: Geary 1981: 151-155); в Италии, удвоившись во время Первой мировой войны, оно снова возросло почти в два раза к 1920 г. (см.: Maier 1975: 47; Vandervelde 1925).

рядку. Наоборот, возросшая организационная сила рабочего класса и крестьянских масс, а также упадок аристократии вследствие перемен военного времени создали условия для заключения исторического компромисса между классами. В Западной Европе сложился капитализм, который был по большей части встроен в национальные структуры (то есть экономическое развитие стало более сбалансированным и внутренне ориентированным), а также установилась демократия.

Классовый компромисс, заключенный в Западной Европе после Второй мировой войны, был основан на социал-демократическом и кейнсианском политическом инструментарии. От социал-демократов он требовал согласиться на частную собственность на средства производства и на использование капиталистами прибыли, которую те могли бы получить от этой собственности, для увеличения производственных мощностей и частичного распределения данной прибыли среди других групп населения (см.: Przeworski 1979: 21-63). Благодаря росту производительности вместе с прибылью выросла и заработная плата рабочих. Благодаря этому для рабочих стало доступным массовое потребление товаров новых отраслей производства. Впервые партии, представляющие рабочих, стали легитимными участниками политического процесса. После 1945 г. социалисты регулярно входили в состав коалиционных правительств Австрии, Швейцарии, Нидерландов и стран Северной Европы. Лейбористская и Социалистическая партии сформировали правительства и вошли в правящие коалиции в Великобритании и Франции. В Италии в 1963 г. христианские демократы привели в правительство Независимую социалистическую партию. В Западной Германии социалисты правили в коалиции с христианскими демократами с 1966 по 1969 г. и сформировали первое в истории ФРГ левое правительство в 1969 г.

Для Европы после Второй мировой войны было более характерно устойчивое развитие, нежели кратковременные всплески роста, и более справедливое, чем в довоенный период, распределение доходов. Развитие больше не зиждилось на дуалистической экспансии, оно стало результатом деятельности национального общества, а не иностранных островков капитала¹. Выгоды от этого процветания были повсеместны. Большинство исследователей сходятся во мнении, что в Великобритании доходы после Второй мировой войны распределялись более равномерно, чем в 1938 г. Перед Первой мировой войной (1911–1913) верхние слои населения (5%) владели 87% личного богатства, нижние (90%) – 8%; в 1960 г. эти цифры составляли 75 и 17% соответственно (см.: Hobsbawm 1968: 274). В отличие от довоенной экономической политики, послевоенная политика была направлена на более справедливое распределение доходов, а также рост дохода на душу населения. Существенный рост заработной платы многие правительства считали одним из своих первых достижений после войны; повышение уровня занятости

---

¹ Дуалистическая, то есть не укорененная в системы национального государства экономическая экспансия, которую мы рассматриваем в данной статье, включает в себя как мобильность капитала, так и торговую мобильность: рассредоточение капиталовложений и производства, а также производство для международной торговли за счет расширения внутренних рынков.

имело высокий приоритет при разработке стратегий и планов развития, а также при установлении инвестиционных критериев. Устойчивые инвестиции, сбалансированное развитие [экономики], демонополизация и повышение уровня благосостояния населения привели к широкомасштабному развитию и беспрецедентному [экономическому] росту.

В Европе повторное встраивание экономик в национальные системы было достигнуто в результате большого насилия и разрушения – путем революции (в России) и широкомасштабной, массовой, разорительной войны (на территории всей Европы). В Австралии, Канаде и Новой Зеландии класс землевладельцев был ограничен в правах с самого начала, и поэтому его доходы не использовались исключительно для обогащения тех традиционных классов, представители которых владели землей [аристократии], как это было в Европе. В Соединенных Штатах, где сформировался сильный класс землевладельцев Юга, борьба между южанами и промышленниками Севера переросла в одну из самых кровавых в истории гражданских войн, которая завершилась победой промышленной буржуазии. В результате здесь развились особые модели владения землей – на авансцену выдвинулись мелкие землевладения. В Японии масштабная и впечатляюще успешная земельная реформа, навязанная союзными державами после Второй мировой войны, привела к перестройке экономики и общества. Была преобразована отсталая, феодальная сельская экономика, произошло переустройство политической власти, наблюдался всесторонний рост производительной способности экономики за счет значительного покупательского спроса в сельском хозяйстве и увеличения предложения на местные продукты питания и сырье (см.: Ladejinsky 1959). Подобные реформы были профинансированы и реализованы Соединенными Штатами на Тайване и в Южной Корее. Страны первого и второго мира смогли в полной мере принять участие в беспрецедентном с точки зрения истории экономическом буме 1950-х – 1960-х гг. Однако изменения, в ходе которых фактически произошла национализация капитала, расширение и интеграция внутренних рынков, осуществлялись только в странах первого и второго мира, этим процессам просто не дали развиваться где-либо еще. Ведь элиты и правящие группы в первом мире, а также в новых независимых развивающихся государствах объединились, чтобы искоренить социализм, сдерживать развитие демократических институтов и укрепить дуалистические структуры в странах на обширной территории, которые в совокупности стали именоваться третьим миром.

**«Освобождение» (денационализация) капитала:
конец первого и второго мира**

После окончания Второй мировой войны период существования трех миров, которые демонстрировали разные модели развития, представлял собой лишь краткое «междурядствие». Принятие социал-демократической политики после Второй мировой войны фактически покончило с дуализмом, который был ранее характерен для европейских экономик; это должно было позволить всем мирам развиваться способами, ассоциировавшимися со стра-

тегией первого и второго мира. Однако с началом разрушения социализма как в третьем, так и во втором мире в западных государствах началась кампания по изменению их социального устройства. В 1970-х гг. страны первого мира стали отменять ограничения на мобильность капитала, упразднять регулирующие органы и сворачивать программы социального обеспечения, благодаря которым были созданы условия послевоенной жизни, обычно ассоциировавшиеся со способом развития первого мира. В конце 1980-х аналогичные меры принял и второй мир (коммунистические режимы).

С возвратом к принципам довоенной политики стал наблюдаться и возврат к транснациональным пространствам. Производственные ресурсы снова начали концентрироваться в городах и регионах, а глобальные торговые и технологические потоки и движение капитала вернули себе прежнее значение. Это явление мы и называем глобализацией. Несмотря на то, что составляющие ее черты нередко характеризуют как новые, они таковыми не являются. На них сравнительно недавно стали обращать внимание, однако возникли они отнюдь не недавно – они лишь проявились повторно с принятием правительствами различных инициатив по реструктуризации, направленных на восстановление (в первом и втором мире) и углубление и расширение (в третьем мире) структур, характерных для довоенной экономики.

Конец первого мира

Кейнсианско-фордистский компромисс, возникший в США с принятием «Нового курса» Рузвельта, требовал гораздо меньших уступок со стороны капитала, чем социал-демократические компромиссы, существовавшие в Европе. В США наблюдался более высокий уровень внутренних инвестиций и более быстрый [экономический] рост, чем в странах Западной Европы (см.: Schonfield 1965: 5-6). Кейнсианская политика также функционировала как программа социального обеспечения для массового производства вооружений, которое стартовало в США в 1860-х гг. и впоследствии становилось все более и более важной частью американской экономики. Следует подчеркнуть, что у промышленности США было мало конкурентов, поэтому признанная с ее стороны часть фордистского компромисса – высокая заработная плата – могла быть с лихвой компенсирована более высокими ценами на товары. Однако к 1960-м гг. конкуренция со стороны Европы и Японии начала сводить на нет преимущества, которыми пользовалась промышленность США, размер ее прибыли сокращался (см.: Coates 2000: 28-32). В то же время, когда международная конкуренция стала ограничивать ценообразование, забастовки трудящихся и градус политического радикализма, поднятый за счет массового призыва на военную службу во Вьетнам, сделали снижение заработной платы неоправданным с политической точки зрения.

Введение массовой воинской повинности во время войны во Вьетнаме усилило внутреннюю оппозицию в США по отношению к холодной войне, расширило и активизировало движение за гражданские права. Но правительство США, отчаянно пытавшееся одержать победу в войне во Вьетнаме (1955–1975), в 1960-х создало армию на основе массового призыва.

В свете опыта Европы в мировых войнах последствия этого для США оказались предсказуемыми. Война политизировала и радикализировала массы людей и спровоцировала мощное давление на государство, имеющее целью расширить гражданские права. Это давление подорвало коалицию вокруг «Нового курса», который лежал в основе кейнсианско-фордистского компромисса с рабочими. Эта коалиция была создана отчасти на базе соглашения между Севером и Югом о сохранении статус-кво касательно расового вопроса. С расширением движения за гражданские права богатые южане переметнулись из Демократической партии в Республиканскую и, сея страх и ненависть к другим расам, сумели увести за собой большинство белых южан. Мало того, что хрупкий баланс сил в рамках коалиции «Нового курса» был нарушен, но и единство рабочего класса также было расколото, поскольку рядовые члены профсоюзов в северных городах сопротивлялись требованиям интеграции жилья, образования и профсоюзов.

В 1968 г. протесты и демонстрации по всему миру ознаменовали начало конца послевоенного порядка. В США борьба за гражданские права, переросшая в бунты, и эскалация протестов против войны во Вьетнаме и холодной войны воспринимались как часть мировой революции, которая прервала трехстороннее разделение мировой системы того времени на страны Запада, коммунистический блок и третий мир (см.: Wallerstein 2006: 84; см. также: Katsiaficas 1987; Harman 1988; Arrighi et al. 1989; Watts 2001). Мировое влияние этих событий, развертывание революционной активности и агрессивного противодействия ей в США сделали 1968 г. поворотным моментом, изменившим весь послевоенный порядок. В США деятельность движений против холодной (и вьетнамской) войны, движений за гражданские права нарушила баланс сил, от которого зависел кейнсианский компромисс, заключенный после Второй мировой. Это повлекло за собой изменения в политике, которая дерегулировала капитал, и запустило более широкий процесс денационализации экономики США. В 1970-х гг. правительства других стран первого мира ввели меры по устранению ограничений на мобильность капитала, стали упразднять регулирующие органы и сворачивать программы социального обеспечения. В течение нескольких лет решительный сдвиг в политике денационализировал капитал во всем первом мире и заложил основы для быстрого возврата к транснациональному капитализму, то есть к накоплению капитала за пределами территориальных границ национального государства. Из-за необходимости брать кредиты за границей, чтобы финансировать как ведение войны во Вьетнаме, так и социальные программы, призванные остановить рост внутривнутриполитической напряженности («Великое общество»), США отказались от золотого стандарта и отменили контроль за движением капитала. При этом нужно понимать, что к 1973 г. США были крупнейшим в мире государством-должником. В 1973 г. Германия также отменила контроль за движением капитала. В конце 1970-х примеру США и ФРГ последовали Япония и Великобритания. Страны ОЭСР и Европейское сообщество отменили контроль за движением капитала и свернули программы социального обеспечения в период с начала до середины 1980-х гг. Данные меры объяснялись необходимостью, вызванной

начавшейся глобализацией, но на самом деле государственная политика была разработана не для того, чтобы приспособливаться к новым обстоятельствам, а для продвижения этих обстоятельств.

Попав в ситуацию сокращения прибыли из-за конкуренции за границей и столкнувшись с протестными настроениями рабочих внутри страны, капиталисты США настаивали на изменении политики, которое позволило бы им избежать негативных последствий кейнсианско-фордистского компромисса в «закрытом внутреннем контексте» (Van der Pijl 1998: 119). Отмена контроля за движением капитала в 1970-х гг. вызвала колоссальную волну экспорта капитала. До этого экспорт капитала из США был относительно небольшим (в XIX в. британский экспорт капитала составлял 10% ВВП; а американский на пике своего развития – около 2% ВВП); в стране действовала система социального обеспечения, поддерживалось равенство доходов [наемных работников] и высокая заработная плата. Экспорт капитала, начавшийся в конце 1970-х гг., был частью структурного сдвига в экономике, включавшего в себя сокращение рабочей силы и перезагрузку деятельности предприятий «на все более низкие уровни производства и занятости» (Williams K., Williams J., Haslam 1989: 292). Позиция рабочего класса была ослаблена за счет того, что отношения между нанимателями и работниками стали более гибкими по причине заключения договоров субподряда и практики аутсорсинга, закрытия заводов и увольнений, концессионных соглашений и уничтожения профсоюзов, а также интернационализации производства за счет прямых иностранных инвестиций. К началу 1990-х гг. отмена регулирования промышленности и рынков, отказ от валютного контроля, приватизация государственных активов и сокращение программ социального обеспечения, разрешив кризис [послевоенного порядка], привели вместе с тем к росту неравенства, увеличению числа бедных и бездомных¹.

Конец второго мира

К концу 1980-х гг. в странах второго мира начала проводится шоковая терапия – радикальная версия экономической политики, которая быстро восстановила дуалистические и монополистические капиталистические структуры, характерные для экономики до мировых войн. В России политика шоковой терапии привела к крайне поляризованному распределению доходов: чрезмерные богатства получило небольшое число граждан, почти все они прежде были представителями номенклатуры КПСС. На другом полюсе оказались люди с крайне низким уровнем заработной платы. Разрушение промышленности, сокращение населения и общий упадок, вызванные этой политикой, были настолько экстремальными, что приравнивались к фактической «демомодернизации» страны (Cohen 2000:

---

¹ Каждый десятый американец получал федеральные продовольственные талоны. Уровень младенческой смертности среди афроамериканцев в 1990-х гг. составлял 17,7 смертей на 1000 родившихся живыми, что сопоставимо с младенческой смертностью на Ямайке (17,2), в Тринидаде и Тобаго (16,3) и на Кубе (16) (см.: Bello, Cunningham, Rau 1994: 95-97).

41). Экономика попала под жесткий контроль со стороны представителей кланового капитализма и криминальных синдикатов, экспортного лобби и внутренних служб безопасности. Советский Союз производил промышленные товары и инвентарь для развивающихся стран, но политика шоковой терапии быстро превратила Россию в экспортера природных ресурсов. Около 70% от всего экспорта в капиталистической России составляют сырьевые товары, и теперь страна импортирует товары с более высокой добавленной стоимостью, которые ранее СССР производил сам для себя (см.: Соорер 2009: 9). Наконец, рыночная свобода породила отнюдь не демократию, а авторитарное суперпрезидентство, напоминающее царский режим накануне [Февральской] революции 1917 г. с элементами империализма и великодержавного шовинизма XIX в. Эти черты капиталистической России часто считают наследием коммунизма, однако они присущи капиталистическим системам и отмечаются на протяжении всей их истории¹.

Реформы, направленные на предоставление большей рыночной свободы, были осуществлены почти во всех странах Восточной Европы начиная с 1960-х гг. В течение десятилетия эти реформы увеличили разницу в доходах и создали классовую стратификацию, во многом схожую с системой классовой стратификации западного капитализма (см.: Parkin 1969: 255-274). Югославия, где рыночные реформы были проведены раньше и гораздо радикальнее, чем в других социалистических странах (см.: Landy 1961), стала не только самым политически нестабильным из них государством, но и ареной, где развернулись серьезные насильственные конфликты между народами. К концу 1970-х гг. экономическое развитие стран Восточной Европы начало резко замедляться. Чтобы повысить эффективность своей экономики, их правительства импортировали из западных стран передовые технологии, на приобретение которых они брали кредиты в западных банках, у правительств и международных финансовых организаций. Но медленный рост мировой экономики в конце 1970-х–1980-х гг. затруднил выплату этих кредитов, а бремя долга обернулось тяжелым экономическим кризисом в Польше, Румынии и Югославии, а также привело к ухудшению условий жизни во всей Восточной Европе (см.: Tipton, Aldritch 1987: 248-252).

В 1989 г. по Восточной Европе прокатилась волна демонстраций. Она стала прелюдией к относительно мирным революциям, которые в том же году привели к смене правительств в Польше, Чехословакии, ГДР, Румынии и Болгарии. Эти революции были инициированы членами коммунистических партий, которые к тому времени уже утратили всякую связь с пролетариатом – они лучше других понимали, как использовать преимущества рыночных и капиталистических форм собственности. Поэтому они и стремились ускорить перевод восточноевропейских экономик на рыночные рельсы

¹ Исследователи выделили новые формы демократии, возникшие в последние десятилетия как результат неолиберальных преобразований: авторитарная демократия, неопатримониальная демократия, военная демократия, ограниченная, олигархическая, контролируемая, ограничительная, нелиберальная, охраняемая, защищенная и опекунская демократия.

(см., напр.: Taborsky 1961: 32-37; von Lazar 1966; Tismeneanu 1989: 31; Lipski 1989–1990: 19-21). Революции привели к дальнейшему снижению уровня жизни и усилению расслоения обществ. Наряду с новыми классами предпринимателей в Восточной Европе впервые после Второй мировой войны появились армии безработных. Переход к рынку быстро привел к рекордному росту неравенства в отдельных странах. В 1988 г. Восточная Европа была самым равноправным регионом мира. К 1993 г. социальное неравенство в странах Восточной Европы было гораздо большим, чем в странах Западной Европы и Северной Америки.

Углубление и воспроизводство дуалистической экономики в третьем мире

Многие изменения [в экономике], которые с 1970-х гг. описывались учеными как новшества, на самом деле представляют собой возврат к структурам, существовавшим до Второй мировой войны. В значительной степени они были обусловлены неолиберальной политикой, направленной на реструктуризацию рынков и их интеграцию в глобальные товарные цепочки. Неолиберальные преобразования продвигались под разными лозунгами. Они были проведены в странах первого мира в конце 1970-х гг. под лозунгом глобализации; а позднее, когда они более радикально осуществлялись в Восточной Европе и России, их называли шоковой терапией или ускоренным переходом от социалистических [экономик] к капиталистическим рыночным системам. Они перманентно продвигались и под множеством других лозунгов как способ углубления и расширения дуалистической экономики в остальном мире (третьем мире) посредством структурной перестройки, демократизации политического режима и формирования гражданского общества.

В послевоенную эпоху сформировалось устоявшееся мнение о том, что экономический рост приведет к созданию в странах третьего мира таких же условий жизни, как и в передовых странах первого мира. В 1970–1980-х гг. страны третьего мира незначительно продвинулись к этой цели¹. Однако к концу 1980-х уровни индустриализации стран первого и третьего мира начали сближаться. Ряд исследователей пришли к выводу, что скоро наступит конец третьего мира как политического, экономического и идеологического образования²; в 1990-е гг. все больше ученых соглашались с этим прогнозом³. Основанием для такого оптимистического прогноза послужили два показателя индустриализации – доля ВВП на душу населения, занятого в промышленном производстве и доля несельского на-

¹ Это, а также отсутствие единого мнения о причинах происходящего усугубило кризис в исследованиях социального развития (см., напр.: Seers 1979; Caporaso 1980; Hirschman 1981; Sen 1981; Lal 1983; Streeten 1983; Arndt 1987; Toyе 1987; Leeson 1988; Mouzelis 1988; Ranis, Schultz 1988).

² Начало этому направлению мысли, вероятно, положила вышедшая в 1986 г. книга Найджела Харриса «Конец третьего мира: новые индустриальные страны и упадок идеологии».

³ См., напр.: (Arnold 1993; Hettne 1995; Hoogvelt 1997; Held et al. 1999: 8, 177, 186-187; Burbach, Robinson 1999; Robinson, Harris 1987). Общий аргумент в пользу

селения в общей численности населения. Третий мир не просто догнал, но и «перегнал первый мир по степени индустриализации» – первому показателю; в отношении другого показателя третий мир «демонстрирует превосходящие в четыре раза темпы урбанизации» (Arrighi et al. 2003: 15). Эти данные приведены в табл. 1. Однако, несмотря на сближение уровней индустриализации, разрыв в доходах и богатстве между первым и третьим миром увеличивается¹. Получается, что после Второй мировой войны страны третьего мира достигли индустриализации без «развития», то есть в них не сложились те условия жизни, что были характерны для стран первого мира.

Страны третьего мира никто никогда не принуждал проводить политику, которая привела к широкомасштабному национальному экономическому росту в странах первого мира. Более того, им едва ли было бы позволено проводить такую политику, даже если бы они сами того желали. Таким образом, после 1945 г. их экономика оставалась дуалистической. Поскольку индустриализация дает разные результаты в национально интегрированной и дуалистической экономике, сравнение уровней индустриализации вводит в заблуждение. В дуалистической экономике ведущие сектора остаются в значительной степени отчужденными от других секторов, что ограничивает рост внутренней экономики. Рассмотрим в этом свете данные об аграрном секторе стран первого и третьего мира в табл. 2 и сравним их.

Отраслевые и сравнительные данные, представленные в табл. 1 и 2, показывают, почему индустриализация в странах третьего мира не привела к созданию условий жизни, характерных для первого мира.

Страны третьего мира, уровень индустриализации которых сопоставим с уровнем индустриализации стран первого мира, достигли этого путем концентрации производственных ресурсов в городах и мобилизации

Таблица 1. Два индекса сближения уровней индустриализации первого и третьего мира, %*

	Доля промышленного производства в структуре ВВП		Доля несельского населения в общей численности населения	
	1980	1995	1980	1995
Первый мир	24,3	20,4	75,4	78,2
Третий мир	25,6	25,6	30,6	42,5

* Источник информации: (World Bank. 1999).

данного вывода заключался в том, что выравнивание условий жизни в первом и третьем мире служит свидетельством того, что географическое разделение на север/юг, на ядро/периферию или на первый и третий мир, хотя и остается существенным, но его роль уменьшается (см.: Burbach, Robinson 1999: 27-28).

¹ В сентябре 1997 г. в Резолюции специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по окружающей среде и развитию было указано, что в мире произошло увеличение общего числа людей, живущих в нищете. Возросло неравенство доходов как между странами, так и внутри стран, во многих странах усугубилась проблема безработицы, в последние годы увеличился и разрыв между наименее развитыми странами и прочими государствами (United Nations General Assembly, A/RES/S-19/2, 19 September 1997, available at: www.un.org/documents/ga/res/spec/aress19-2.htm)

Таблица 2. Показатели аграрного сектора, %

страна	Третий мир		страна	Первый мир			
	1997*			1997**		Канун Первой мировой войны	
	Доля от общей раб. силы	Доля в ВВП		Доля от общей раб. силы	Доля в ВВП	Доля от общей раб. силы	Доля в ВВП
Эфиопия	86	50	Япония	7	2	63	38
Непал	83	40	Франция	5	2	43	35
Кения	80	26	Германия	4	1	38	18
Китай	72	18	США	3	2	31	17
Индия	64	29	Великобритания	2	2	12	8
Индонезия	55	20					
Пакистан	52	26					
Филиппины	46	17					
Нигерия	43	32					
Перу	36	7					
Мексика	28	5					
Бразилия	23	8					

* Данные за 1997 г. как для первого, так и для третьего мира приводятся по: (United Nations Statistics, 2000; World Bank, World Development Indicators, 1998, 1999).

** Средние данные указаны по (Kuznets 1957: 73) за следующие годы: Япония – 1912 г., Франция – 1910 г., Германия – 1910 г., Великобритания – 1911 г., для США доля сельского хозяйства в ВВП указана за 1904–1913 гг., доля рабочей силы в сельском хозяйстве – за 1900 г.

этих ресурсов для внешней торговли, а не для расширения внутреннего рынка, как это было сделано в первом мире. Следовательно, большая часть рабочей силы по-прежнему сосредоточена в малопроизводительном сельском хозяйстве. Условия жизни тех, кто живет в сельской местности и беден (во многих странах третьего мира таковые составляют большинство¹), незначительно отличаются от существовавших 200 лет назад, когда индустриальная эра только стартовала.

Выводы: посткейнсианские стратегии накопления – реинтеграция трех миров

Неолиберальная политика представляет собой возврат к докейнсианской, или фордистской, политике. Неолиберализм считает себя наследником либерализма, господствующей экономической доктрины конца XIX –

¹ Сельская беднота в процентах от общей численности населения стран третьего мира в 1997 г.: Непал (88), Эфиопия (82), Индия (72), Китай (68), Кения (67), Пакистан (63), Индонезия. (59), Нигерия (56), Филиппины (41), Перу (27), Мексика (26), Бразилия (19) (Статистика ООН, 2000; Всемирный банк. Показатели мирового развития, 1998, 1999).

начала XX в., его повестка явно принадлежит девятнадцатому веку (см.: Chang 2003: 3). Он призывает к демонтажу государственного планирования и регулирования экономической деятельности. Неолиберализм изображает такую политику как нечто новое и необходимое для решения проблем нового глобального мира. Но подобные заявления лишь маскируют тот факт, что неолиберальная политика, под каким бы лозунгом она ни проводилась, призвана реконструировать ключевые аспекты довоенного международного политического и экономического порядка, и в частности гарантировать международное право собственности (в противовес национальному) (см.: Lal 2003).

В странах третьего мира неолиберальная реструктуризация осуществлялась посредством структурных реформ, а также за счет восстановления разрушенной инфраструктуры после стихийных бедствий и войн. Милтон Фридман ввел термин «шоковая терапия» (*англ.* shock therapy) не только для описания мер, направленных на переход к свободному рынку, осуществлявшихся в России и Восточной Европе, но и для описания того, как кризис может быть использован в тех же целях. Подобно войне и этническим чисткам, такие «кризисы», как цунами в Шри-Ланке в 2004 г. и ураган «Катрина» в США, создают пространство для неолиберальной реструктуризации, не позволяя людям, которые были вынуждены переехать в результате этих бедствий, возвращаться на места прежнего проживания и заново отстраиваться там.

Неолиберальная реструктуризация также проводилась через демократизацию и установление гражданского общества. Деловые круги продвигали эти инициативы с целью восстановления или же создания институциональных механизмов, позволяющих получить доступ к политике (см.: Conaghan et al. 1990). Парламентские институты и избирательные системы, которые считаются плодотворными результатами этих инициатив, не способствуют, да и не предназначены для организации общественных дискуссий и вовлечения граждан в политическую жизнь. Достижение демократии в Западной Европе и государствах других регионов обусловлено множеством факторов: усилением могущества рабочего класса по сравнению с другими классами, встраиванием капитализма в национальные системы, развитием покупательной способности рабочих, расширением и интеграцией внутренних рынков, политикой, направленной на увеличение внутренних инвестиций, более справедливым распределением доходов, возобновлением осуществления государствами социальных и регулятивных функций, от которых произошел отказ в конце XVIII в. Но вовсе не этому способствуют якобы демократические инициативы западных правительств, а также неправительственных и международных организаций в странах третьего мира. Они также мало отражены в обширной литературе, исследующей необходимые условия или предпосылки для развития демократии.

Инициативы по формированию гражданского общества не дают звучать независимому, автономному голосу масс. Эти предложения предусматривают институционализованные формы гражданского участия, которые нацелены на укрепление узкого круга интересов, ориентированного вовне. И они

ведут к маргинализации или ослаблению профсоюзов, ассоциаций фермеров и рыбаков, а также этнических, религиозных или кастовых ассоциаций.

Изменения, произошедшие в некоторых регионах мира после мировых войн, представляли собой отход от исторических моделей капиталистической экспансии. Эти изменения были не результатом индустриализации или роста ВВП, а следствием политики государственного регулирования, которая заставляла инвестиции и производство служить расширению и интеграции национальных рынков. Однако этот период был лишь кратким «междоцарствием». С его окончанием вновь вернулись довоенные структуры и модели. В результате политики реструктуризации национальных экономических пространств производственные ресурсы снова стали концентрироваться в крупных городах мира и мобилизовываться для внешней торговли. Все эти факторы способствовали возвращению присущих глобализации транснациональных потоков, сетей и организаций, которые всегда были для нее характерны.

После Второй мировой войны европейские государства вернули себе функции социального обеспечения и регулирования, от которых они отказались в XIX в., и начали проводить политику, направленную на увеличение внутренних инвестиций. Все эти действия привели к более справедливому распределению доходов и расширению внутренних рынков. В странах Европы, так же как в Японии и «азиатских тиграх», наблюдалось всеобъемлющее развитие, беспрецедентный рост и процветание. Реформы системы социального обеспечения, регулирование рынка и промышленности гарантировали, что инвестиции и производство будут служить расширению и интеграции национальных рынков. Однако в том, что мы называем третьим миром, мировые войны и Великая депрессия привели к сокращению существующих социальных структур за счет договоренностей между корпорациями и псевдонациональных проектов развития, которые лишь воспроизводили дуалистическую модель и увековечивали традиционный порядок на обновленной основе. В результате после Второй мировой войны траектории развития так называемых индустриально развитых стран и стран третьего мира впервые стали расходиться. Но в 1970-е гг. развитые страны начали отменять ограничения на мобильность капитала, упразднять регулирующие органы и сворачивать программы социального обеспечения. Доминирующей тенденцией этих связанных с глобализацией изменений является возврат передовых индустриальных стран к проведению мер по высвобождению процессов экономического роста от государственного контроля, которое было присуще их экономике до кризиса мировых войн и Великой депрессии. Следовательно, с течением времени может оказаться, что 1950–1960-е гг. были кратким перерывом между периодами «освобождения» капитализма, которым с самого начала характеризовалась индустриализация.

Перевод и примечания *М.С. Ильченко*

Научная редакция перевода *М.С. Ильченко, В.С. Мартянова*

Translated from English by *M.S. Ilchenko*

Academic editing by *M.S. Ilchenko, V.S. Martianov*

References

- Andreski S. 1968. *Military Organization and Society*, 2nd ed., Berkeley, Univ. of California Press, xviii, 238 p.
- Arndt H.W. 1987. *Economic Development: The History of an Idea*, Chicago, Univ. of Chicago Press, viii, 217 p.
- Arnold G. 1993. *The End of the Third World*, New York, St. Martin's Press, viii, 232 p.
- Arrighi G., Silver B., Brewer B. 2003. Industrial convergence, globalization, and the persistence of the North-South divide, *Studies in Comparative International Development*, vol. 38, iss. 1, pp. 3-31.
- Arrighi G., Wallerstein I., Hopkins T. 1989. *Antisystemic Movements*, London, New York, Verso, ix, 123 p.
- Bello W., Cunningham Sh., Rau B. 1994. *Dark Victory: The United States, Structural Adjustment and Global Poverty*, London, Pluto Press, Oakland, Food First, Amsterdam, THI, xii, 148 p.
- Braunthal J. 1967. *History of the International*, vol. 1, 1864–1914, New York, Praeger, 596 p.
- Burbach R., Robinson W. 1999. The fin de siècle debate: globalization as epochal shift, *Science & Society*, vol. 63, iss. 1, pp. 10-39.
- Caporaso J.Y. 1980. Dependency theory: continuities and discontinuities in development studies, *International Organization*, vol. 34, iss. 4, (Autumn), pp. 605-628.
- Carr E.H. *Nationalism and After*, London, Macmillan, 1945, 73 p.
- Chang H.-J. 2003. Introduction, *Chang H.-J. (ed.) Rethinking Development Economics*, London, Anthem Press, pp. 1-18.
- Coates D. 2000. *Models of Capitalism: Growth and Stagnation in the Modern Era*, Cambridge, Polity, 320 p.
- Cohen St.F. 2000. *Failed Crusade: America and the Tragedy of Post-Communist Russia*, New York, WW Norton, 304 p.
- Conaghan C.M., Malloy J.M., Abugattas L.A. 1990. Business and the “boys”: the politics of neoliberalism in the Central Andes, *Latin America Research Review*, vol. 25, iss. 2, pp. 3-30.
- Cooper W.H. 2009. *Russia's Economic Performance and Policies and their Implications for the United States*, Washington, DC, Congressional Research Service, 26 p.
- Cronin J. 1982. Labor insurgency and class formation: comparative perspectives on the crisis of 1917–1920 in Europe, *Cronin J.E., Sirianni C. (eds.) Work, Community and Power: The Experience of Labor in Europe and America, 1900–1925*, Philadelphia, PA. Temple Univ. Press.
- Dorwart R.A. 1971. *The Prussian Welfare State before 1740*, Cambridge, MA, Harvard Univ. Press, 328 p.
- Doyle M.W. 1997. *Ways of War and Peace: Realism, Liberalism, and Socialism*, New York, WW Norton, 557 p.
- Eversley D.E.C. 1967. The home market and economic growth in England, 1750–1780, *Jones E.L., Mingay G.E. (eds.) Land, Labour, and Population in the Industrial Revolution*, London, Arnold.
- Geary D. 1981. *European Labour Protest, 1848–1939*, London, Croom Helm, 195 p.
- Gillis J.R. 1983. *The Development of European Society, 1770–1870*, Boston, Houghton Mifflin, xvi, 300 p.
- Halperin S. 2004. *War and Social Change in Modern Europe: The Great Transformation Revisited*, Cambridge, Cambridge Univ. Press. 540 p.
- Harman C. 1988. *The Fire Next Time: 1968 and After*, London, Bookmarks, x, 406 p.
- Harris N. 1987. *The End of the Third World: Newly Industrializing Countries and the Decline of an Ideology*, New York, Meredith Press, 231 p.

- Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J. 1999. *Global Transformations. Politics, Economics and Culture*, Stanford, CA, Stanford Univ. Press, 515 p.
- Hettne B. 1995. *Development Theory and the Three Worlds*, 2nd ed., Harlow, Longman, 319 p.
- Hirschman A. 1981. The rise and decline of development economics, *Hirschman A.O. Essays in Trespassing*, Cambridge, Cambridge Univ. Press, pp. 1-24.
- Hobsbawm E. 1968. *Industry and Empire*, London, Weidenfeld and Nicolson, 336 p.
- Hoogvelt A. 1997. *Globalisation and the Post Colonial World: The New Political Economy of Development*, London, Macmillan, xvi, 291 p.
- Howard M. 1961. *The Franco-Prussian War: The German Invasion of France, 1870–1871*, London, Rupert Hart-Davis, 512 p.
- Katsiaficas G. 1987. *The Imagination of the New Left: A Global Analysis of 1968*, Boston, South End Press, xv, 323 p.
- Kuznets S. 1957. Quantitative aspects of the economic growth of nations – II. Distribution of national product and labor force, *Economic Development and Cultural Change*, vol. 5, iss. 4 Suppl., pp. 1-111.
- Ladejinsky W. 1959. Agrarian revolution in Japan, *Foreign Affairs*, vol. 38, no. 1, pp. 95-109.
- Lal D (2003) *The Poverty of Development Economics*. London: Institute of Economic Affairs.
- Landy P (1961) Reforms in Yugoslavia. *Problems of Communism* Nov.–Dec.
- Leeson P.F. 1988. Development economics and the study of development, *Leeson P.F., Minogue M.M. (eds.) Perspectives on Development: Cross-disciplinary Themes in Development Studies*, Manchester, Manchester Univ. Press, pp. 1-55.
- Lie J. 1993. Visualizing the invisible hand, *Politics & Society*, no. 21, iss. 3. pp. 275-305.
- Lipski J.J. 1989–1990. *In defense of socialism. Across Frontiers*. Fall/Winter.
- Lis C., Soly H.S. 1979. *Poverty and Capitalism in Pre-Industrial Europe*, Sussex, Harvester Press, xvi, 267 p.
- Maier Ch. 1975. *Recasting Bourgeois Europe*, Princeton, NJ, Princeton Univ. Press, 650 p.
- Marwick A. 1980. *Image and Reality in Britain, France, and the U.S.A. since 1930*, London, Collins. 416 p.
- Mouzelis N. 1988. Sociology of development: reflections on the present crisis, *Sociology*, vol. 22, iss. 1, pp. 23-44.
- Ogg F.A. 1930. *Economic Development of Modern Europe*, New York, Macmillan, xvi, 861 p.
- Parkin F. 1969. Class stratification in socialist societies, *British Journal of Sociology*, vol. 20, iss. 4, pp. 255-274.
- Przeworski A. 1979. The material bases of consent, *Political Power and Social Theory*, no. 1, pp. 21-63.
- Ranis G., Schultz T.P. (eds.) 1988. *The State of Development Economics: Progress and Perspectives*, Oxford, New York, NY, USA : Basil Blackwell. 635 p.
- Robinson W.I., Harris J. 2000. Towards a global ruling class? Globalization and the transnational capitalist class, *Science & Society*, vol. 64, iss. 1, pp. 11-41.
- Royle T. 1999. *Crimea: The Great Crimean War, 1854–1856*, Boston, Little Brown and Company, 564 p.
- Schonfield A. 1965. *Modern Capitalism*, London, Oxford Univ. Pres, xvi, 456 p.
- Schumpeter J.A. 1951. Economic theory and entrepreneurial history, *Clemence R.V. (ed.) Essays on Economic Topics of Joseph Schumpeter*, Port Washington, NY, Kennikat Press.

- Seers D. 1979. The birth, life, and death of development economics, *Development and Change*, vol. 10, iss. 4, pp. 707-719.
- Sen A. 1981. Development: which way now?, *Economic Journal*, vol. 93, iss. 372, pp. 745-762. DOI 10.2307/2232744
- Silver B., Slater E. 1999. The social origins of world hegemonies, *Arrighi G., Silver B.J. (eds.) Chaos and Governance in the Modern World System*, Minneapolis, Univ. of Minnesota Press, pp. 151-216.
- Slack P. 1990. *The English Poor Law, 1531–1782*, London, Macmillan, 79 p.
- Streeten P. 1983. Development dichotomies, *World Development*, vol. 11, iss. 10, pp. 875-889.
- Taborsky E. 1961. *Communism in Czechoslovakia, 1948–1960*, Princeton, NJ, Princeton Univ. Press, xii, 628 p.
- Taithe B. 2001. *Citizenship and Wars: France in Turmoil, 1870–1871*, London, New York, Routledge, viii, 263 p.
- Thompson E.P. 1991. *Customs in Common: Studies in Traditional Popular Culture*, London, Merlin Press, 547 p.
- Tipton F.B., Aldritch R. 1987. *An Economic and Social History of Europe: From 1939 to the Present*, Baltimore, MD, The Johns Hopkins Univ. Press, vii, 297 p.
- Tismeneanu V. 1989. Democracy, what democracy?, *East European Reporter*, no. 4, p. 2.
- Toye J.F.J. 1987. *Dilemmas of Development: Reflections on the Counter-Revolution in Development Theory and Policy*, Oxford, Basil Blackwell, 177 p.
- United Nations Statistics*, 2000.
- van der Pijl K. 1998. *Transnational Classes and International Relations*, London, Routledge. DOI 10.2307/2492781
- Vanderveelde E. 1925. Ten years of socialism in Europe, *Foreign Affairs*, vol. 3, iss. 4, pp. 556-566.
- von Lazar J. 1966. Class struggle and socialist construction: the Hungarian paradox, *Slavic Review*, vol. 25, iss. 2, pp. 303-313.
- Wallerstein I. 2006. The curve of American power, *New Left Review*, no. 40 (July–August), pp. 77-94.
- Watts M. 2001. 1968 and all that... *Progress in Human Geography*, vol. 25, iss 2, pp. 157-188. DOI 10.1191/030913201678580467
- Williams K., Williams J., Haslam C. 1989. Do labor costs really matter?, *Work, Employment, and Society*, vol. 3, iss. 3, pp 281-305.
- World Bank. 1998. *World Development Indicators – 1998*, Washington, DC, World Bank, 390 p.
- World Bank. 1999. *World Development Indicators – 1999*, Washington, DC, World Bank, available at: <https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Сандра Гальперин

профессор международных отношений и содиректор Центра глобальной и транснациональной политики факультета политики и международных отношений Роял Холлоуэй (Лондонский университет), г. Лондон, Великобритания;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3556-2540>;
E-mail: sandra.halperin@rhul.ac.uk

Sandra Halperin

Department of Politics and International Relations, Royal Holloway, University of London, Egham, Surrey, UK TW20 OEX, United Kingdom;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3556-2540>;
E-mail: sandra.halperin@rhul.ac.uk